

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем печатать статьи из капитального труда, посвященного анализу семи поколений московских философов¹. В данном номере представлена часть трудов философов поколения 2010-х годов.

В.П. Макаренко

ФИЛОСОФСКОЕ КАФЕ²

Е.В. Логинов

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,*

А.В. Мерцалов

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,*

А.Т. Юнусов

Институт философии РАН

Аннотация: Мы предлагаем читателю небольшой очерк истории и теоретического умонастроения московского Философского кафе – объединения, родившегося в среде студентов философского факультета МГУ в 2009 году и с тех пор пытающегося объединить в своей работе ригоризм исследовательского семинара с дружеской атмосферой кофешопика. Самым известным широкой аудитории продуктом деятельности Философского кафе является журнал «Финиковый Компот».

Ключевые слова: московское Философское кафе; «Финиковый Компот»; философские сообщества; современная российская философия.

Хотя поколенческая тема в истории философии кажется нам чрезвычайно интересной, сами мы не чувствуем за собой ни права заявлять что-то от лица поколения, к которому принадлежим, ни возможности с уверенностью производить об этом поколении сильные обобщения, которые могли бы претендовать на правдоподобие и обоснованность. С нашей сторо-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1041–1070.

ны, пожалуй, единственно честным будет рассказать лишь собственную историю от первого лица – о том, что делаем и думаем мы сами, – не претендуя на выражение *Zeitgeist* или характерность наших умонастроений для наших сверстников. Так что этот очерк представляет собой не более чем живописание истории одного интеллектуального круга, произросшего в одном (пусть и довольно крупном) университете одного (пусть и довольно крупного) российского города.

Сразу поясним наше «мы»: мы – это московское Философское кафе (ФК), оно же с некоторых пор еще и редакция журнала «Финиковый Компот» (тоже ФК). Границы нашего коллектива в известной степени всегда были размыты и проницаемы, и за двенадцать лет его существования наш состав, разумеется, менялся, но важную роль в жизни ФК играли и продолжают играть Евгений Логинов, Андрей Мерцалов, Иван Фомин, Артём Юнусов, Анна Ромашова, Лидия Ким, Александр Басов, Кристина Пылёва, Юлия Чугайнова, Мария Басова, Александр Саттар, Алексей Воронин, Александр Беликов, Александр Мишура, Алексей Салин и Геннадий Андреев. Наши профессиональные интересы и карьерные траектории довольно разнородны: история современной философии, герменевтика, антиковедение, метафизика, дизайн и изобразительные искусства, архитектура, теория литературы, социальная антропология, история философии Нового времени, теория коммуникации, русистика, химия взрывчатых веществ, отечественная история, философия сознания, иудаика, исследования видеоигр, логика. Главным местом встречи и знакомства для нас стал философский факультет МГУ, на который большинство перечисленных выше поступило в 2007–2009 годах.

Для большинства из нас учителями и ориентирами стали прежде всего представители «среднего»³ поколения кафедры истории зарубежной философии – В.В. Васильев, Д.В. Бугай, А.А. Костикова; надеемся, что и они не откажутся считать нас своими учениками. Огромное влияние также оказали на нас преподаватели кафедры логики во главе с В.И. Маркиным и Д.В. Зайцевым и многие другие достойные люди философского факультета, включая Т.Ю. Бородай, Д.К. Маслова, А.А. Кротова, З.А. Сокулер, Г.Г. Судьина, А.А. Печенкина, М.А. Шестакову, М.А. Гарнцева и А.П. Козырева. Мы учились у них не только сведениям о мысли тех или иных фигур прошлого, философским идеям и логическому формализму (хотя и тут наш долг перед ними безмерен), но прежде всего самим стандартам работы в нашем деле: внимательности к источникам и к чужой мысли, требовательности к собственной аргументации, бесконечной заинтересованности в предмете и множеству иных элементов нашего профессионального самоощущения. Это не значит, что они непременно согласились бы с тем, как мы смотрим на философию, да и в целом любые наши ошибки и упущения, конечно, не стоит экстраполировать на них: заблуждаться и недодумывать мы всегда умели и сами, и в этом тонком искусстве мы все как один являемся исключительно автодидактами.

Помимо учителей, которые в особенности в студенчестве всегда скорее наставники, чем коллеги, нам повезло иметь старших товарищей, у которых можно было учиться, работая с ними почти на равных. Такими людьми для нас были Артём Беседин, Антон Кузнецов, Дмитрий Миронов – старшие (разумеется, по отношению к нам) ученики В.В. Васильева, которые всегда близки были нашему дружескому и профессиональному кругу.

Но, возможно, самым большим из всех влияний, которые мы испытали, было в итоге влияние друг друга, влияние сверстников, двигавшихся, как постепенно оказывалось, в том же направлении, что и мы, здесь и сейчас.

В студенческие годы при всей разноголосице в наших подходах к философии и в самом понимании того, что она такое, мы все разделяли общую неудовлетворенность теми форма-

³ Особенности демографии научной популяции кафедры ИЗФ философского факультета МГУ на момент написания этого текста состоят в том, что возраст сотрудников не распределен равномерно по всей шкале значений, а сгруппирован в три поколения: около 30, около 50 и старше 65 лет.

ми организации повседневной исследовательской жизни, в которую мы оказались погружены. Система классического фундаментального университетского образования, углубленно знакомя студентов с проблематикой не только философских дисциплин, но и всей палитры научных областей в целом, раскрывает перед учащимися широчайшее поле для применения их собственных исследовательских потенциалов, но далеко не всегда дает возможность их реализовать: стоит лишь найти на этом поле для себя по-настоящему плодородный участок, как обнаруживается, что времени его окуливать практически нет – вместо этого студент вынужден по большей части посвящать себя лекциям, рефератам и книгам, если и важным, то все же никак не затрагивающим предметов его собственных научных интересов. При этом попытка обсудить ход или результаты своих ученых исканий – время для которых урывается при каждой возможности – нередко оборачивается вежливым безразличием со стороны представителей академической среды, в целом вызывая ощущение, что в университете твоя исследовательская жизнь является лишь факультативным приложением к твоей жизни в учебных аудиториях.

Даже научные академические события, на которых рассчитываешь получить живой отклик и оценку своих идей, слишком часто (и не только в наших широтах) принимают довольно искусственный вид, где строгая формализация процедуры общения порой сочетается с явной незаинтересованностью коллег в его итоге: за точно отмеренное время ученого собрания его участники, бывает, могут высказаться сами, задать некий общий вопрос и ответить на чужую реплику, чтобы затем разойтись, так и не приступив к настоящему обсуждению проблемы, обмену позициями и разбору стоящих за ними аргументов. Вне всякого сомнения, за подобного рода явлениями научной жизни часто стоят здравые и вполне основательные причины⁴, однако чувство неудовлетворенности личных интеллектуальных амбиций, ощущение недостаточности уделяемого в университете интересным темам времени и общая неприязнь к душевной академической церемонности порой переживались нами очень остро.

В 2009 году Евгений Логинов принес на факультет (а точнее, в бар неподалеку от факультета) формат заседаний Философского кафе, сочетающих неформальность взаимодействия участников со строгостью в нацеленности на обсуждаемый вопрос: мы собирались пару раз в месяц, имея на повестке конкретную тему – обсуждение какой-либо книги или презентацию личного проекта одного из участников. Сейчас уже трудно сказать, насколько это была сознательная реакция на обрисованные выше проблемы, но, как кажется нашему лихорадочно ищущему ретроспективного порядка уму, в своих лучших проявлениях идея семинара ФК всегда была именно в том, чтобы одновременно избавиться от деревенящей обмен мыслями академической чинности и учтивой настороженности участников семинара и, сфокусировавшись на отдельной философской проблеме, дать обсуждению продолжаться столько, сколько обсуждающие готовы его продолжать, т. е. чтобы заменить в обсуждении вежливую отстраненность на дружескую вовлеченность.

Участникам многолюдных конференций знаком феномен постсессионных вечерних возлияний, на которых часто царит совсем иная по сравнению с очной частью конференции атмосфера и где, бывает, доспариваются недоспоренные днем философские тезисы, но чаще разговор, свободно блуждая, переходит на иные темы. В каком-то смысле существо семинара ФК можно представить как попытку перенести собственно формальную, дневную часть научной встречи коллег в неформальную, вечернюю, и сделать последнюю не послесловием к исследовательской дискуссии, но, собственно, самим форматом этой дискуссии – свободной, но организованной, длящейся не по графику бронирования аудитории, но до тех пор,

⁴ Справедливости ради нужно отметить, что если научные события пренебрегают указанными формальностями, давая участникам свободу говорить то, что вздумается и когда вздумается, то они, как правило, вообще становятся потерей времени.

пока все участники не придут к удовлетворяющему их результату или (что вероятнее) пока не выбьются из сил. В конечном счете вопрос возможности работы в таком формате является вопросом того, есть ли у участников не некий абстрактный, служебный, но непосредственный и живой интерес к обсуждаемым вопросам; считают ли они философию в ее голом-немытом виде уходящих за горизонт рядов проблем и аргументов чем-то собственно интересным.

В 2012 году дух семинаров ФК материализовался в «Финиковом Компоте», журнальном органе кафе. Пожалуй, самым уместным ответом на вопрос о том, что значит столь экстравагантное название журнала, будет: в том-то и дело, что ничего. Соображения, послужившие его выбору, заключались в желании, во-первых, избежать важного и глубокомысленного наименования, какое философические журналы обычно имеют, и, во-вторых, иметь название, которое аббревировалось бы теми же литерами, что и Философское кафе. Всякое словосочетание, подходящее под эти нехитрые условия, пожалуй, сгодилось бы, и дело было решено тем совершенно контингентным фактом, что сама идея создания журнала зародилась у нас жарким летом 2012 года в университетском пансионате, где главным утолителем жажды был компот из фейхоа (для плодов которого в русском языке не нашлось прилагательного, в силу чего их решено было считать финиками *honoris causa*)⁵.

С нашей стороны было бы глупо отрицать, что «Финиковый Компот» создавался в противовес ко всему тому, что нам казалось наиболее досадным и мертвенным в известных нам философских журналах отечества и зарубежья. Он изначально задумывался как философский журнал, который можно было бы читать подряд, с начала и до конца – подобных изданий в отечестве отчетливо недоставало (некоторым исключением тут нам видится разве что «Логос»). При этом это должен был быть доступный философский журнал – не только в том смысле, что он должен был распространяться бесплатно, но и в том, что порог компетентности в философии, необходимый для его вовлеченного чтения, должен был находиться на уровне смышленного и интересующегося студента-третьекурсника любой специальности; мы всегда были убеждены, что большинство философских проблем вовсе не так далеки от неосвоенного философским образованием ума и поддаются формулировке и обсуждению во вполне человеческих терминах. Нашей целью было создать журнал, который было бы интересно читать, но который при этом не утрачивал бы исследовательской ценности, занимательность не должна была бы вести к компромиссам в точности. Он должен был не только презентовать некоторые уже готовые идеи и служить введением в разные темы и проблематики, но и добавлять к имеющемуся знанию нечто новое. Это должен был быть журнал, который привлекал бы самим своим видом, который было бы приятно держать в руках и листать, – иллюстрированный философский журнал, где работе с визуальной составляющей уделялось бы существенное внимание, журнал, передающий самой своей материальной составляющей ту ненадутую заинтересованность в предмете, ту идею философского досуга и тот дружеский дух совместной мысли, которые были для нас аортой формата работы Философского кафе и которые так нечасто заглядывают на страницы философских журналов.

Таким «Финиковый Компот» был придуман с самого начала и таким он, мы надеемся, остается до сих пор. Вместе с тем как издание ФК за прошедшие годы сильно поменялось. Часть изменений была связана с постепенным аккумулярованием нами знаний о том, как вообще делать журнал: будущая редакция ввязалась в «Финиковый Компот», имея в точности никакой опыт создания и издания журнальной продукции. В существенной степени нашему развитию способствовали советы, замечания и критика, которые мы в изобилии получали на факультете, в особенности от его декана, В.В. Миронова, которому мы во многом обязаны

⁵ Почувствовать ту атмосферу абсурда, веселья и коллективной работы, в которой был сварен первый «Компот», можно в заметке нашего главреда: Логинов 2015: 1–2.

тем, что сумели преодолеть изначальный формат студенческой газеты. Особую поддержку нам оказали Д.Б. Волков и Московский центр исследования сознания, с которым редколлективу связывают близкие профессиональные и дружеские отношения, – именно при их участии мы смогли повернуть наши эксперименты над геометрией и оформлением журнала и в целом сделать значительный скачок в качестве печати. Смеем рассчитывать, что при взгляде на первый номер ФК на фоне последних (процедура, к которой во дни сомнений и тягостных раздумий мы и сами часто прибегаем) нетрудно заметить, что за прошедшие годы мы кое-чему научились.

Не менее существенные изменения пережило и наполнение журнала. Первые номера ФК были попыткой исследования вещей, которые обычно не считаются заслуживающими исследования, философией предметов, неакадемических по тематике, находящихся на периферии внимания исследовательского сообщества (смеха, лени, опоздания и пр.). Начиная же с 8-го номера, выпущенного в 2015 году, когда последние из членов редакции перестали быть студентами (и, справедливости ради, в большинстве своем оказались аспирантами, отличие которых от студентов, пожалуй, не стоит преувеличивать), повесткой журнала стала разработка фундаментальных философских проблем, находящихся в самом центре философской традиции: от доказательства бытия внешнего мира до природы истины. Традиционные большие философские проблемы – слишком интересная штука, чтобы отказываться от работы над ними в пику кому-то или чему-то, да и нам самим они никогда не казались пустыми или незанимательными; вопрос скорее был в том, как лучше всего сохранить того рода мысль и исследование, мечтой о которых был ФК, на страницах журнала. Довольно быстро стало ясно, что для этого нет нужды избегать традиционно академических направлений исследования, тем более что наш протест всегда был связан не с академичностью и академией как таковыми⁶, но с теми карикатурными формами, которые они порой принимают, превращаясь в карго-культ.

В связи с изменением наполнения журнала претерпел своеобразную эволюцию и жанр семинаров ФК. Если раньше заседание ФК было, как правило, довольно длительным, но все же единичным событием, посвященным отдельному вопросу, теперь семинары ФК стали серийными и вполне закономерно начали более систематически инкорпорироваться в процесс работы над журналом. Подготовка номера ФК, посвященного той или иной проблеме, всегда была в первую очередь способом совместно разобраться в этой проблеме нам самим; и если при подготовке номеров, посвященных темам, находящимся вне фокуса философской традиции, материал для ознакомления и проработки по определению невелик, то в случае номеров, построенных вокруг фундаментальных философских проблем, работа над пониманием одной из них требует обработки, обдумывания и обсуждения внушительных объемов традиции. Заседания ФК приобрели вид еженедельных аналитических чтений Философского кафе (они же ФКАЧи): жанра ФК-семинаров, на которых мы последовательно пытаемся препарировать базовые релевантные тексты, касающиеся той проблемы, которой посвящен наш будущий номер, средствами самих этих текстов, а также тех предыдущих текстов, которые уже подверглись нашему анатомированию на одном из прошлых заседаний текущего сезона. В процессе каждого из таких ФКАЧ-сезонов (которые с каждым новым номером становятся все длительнее и в последнее время продолжают большую часть года) мы пытаемся выстроить по возможности связную и полную картину той проблемы, номер о которой мы предложим читателю, которая затем кладется в основу «Пролегомен» – вводного текста номера, призванного одновременно дать читателю, не прошедшему, в отличие от нас, каждую

⁶ Какое бы ощущение контркультурного бунта ложно или осознанно ни создавалось нашим рассказом, значительная часть редакции ФК на протяжении всего его существования вполне увлеченно занимались преакадемичнейшими исследованиями в своих наиакадемичнейших областях философского знания.

субботу последнего года за чтением, например, доказательств бытия божьего и вечер каждого четверга за их обсуждением, общее представление об этой проблеме и одновременно представить итоги нашего скромного собственного ее продумывания⁷.

На этом месте летопись нашего дружеского интеллектуального круга достигает отметки «сейчас», и мы спешим перейти от его истории к тому, как на нас эта история отпечаталась.

Действительно, избранный нами формат коллективной философской работы за годы его реализации оставил на нас след: наш взгляд на философию и наше понимание существа нашего дела во многом сформированы именно тем, как именно нам довелось этим делом заниматься.

Мы приобрели привычку к осторожности в своем мышлении, и считаем эту осторожность интеллектуальной добродетелью, своеобразной умственной чистоплотностью. Смелость смелых обобщений похвальна только тогда, когда она заработана тщательностью их обоснования. Мы в целом полагаем, что философия – это прежде всего не про идеи, а про стоящие за этими идеями аргументы: любая мысль стоит ровно столько, сколько стоят доводы, которые ее собой подпирают⁸. Род занятия, заключающийся в скольжении по идеям и извлечении специфического интеллектуального удовольствия из созерцания их захватывающего содержания или прихотливого соположения, представляется нам не философией, но чем-то, что ради удобства всех вовлеченных сторон следовало бы от философии отличить и, снабдив его собственным именем (мы бы сказали: «идеография») и признав, что в нем нет ничего зазорного, пока его не путают с тем, чем он не является, предложить всем разойтись по своим углам заниматься тем делом, которое каждого интересует.

Нам также довольно скоро стало ясно, что залог плодотворности наших заседаний – конкретная формулировка проблемы и строгое соблюдение границ обозначенной темы. Выступления и реплики, исполненные масштабности, демонстрирующие широту взглядов и эрудиции, улавливающие тонкие переключки мотивов и самым нетривиальным образом ассоциирующие философов различных эпох и традиций, оценка идей по большому счету по их роли и влиянию в истории философии и т. п. нередко бывали чрезвычайно увлекательными и захватывающими, но практически никогда не способствовали продуктивности обсуждения – напротив, размывали его, рождали долгие споры о трактовках и понимании не относящихся к делу сюжетов и в лучшем случае заканчивались обещаниями когда-нибудь отыскать нужную цитату, но чаще всего – просто ничем. Напротив, сфокусированность на одной конкретной проблеме или работе, прояснение ее деталей и подробный разбор аргументов позволяли каждому участнику встречи лучше разобраться в вопросе и его связи с другими, смежными проблемами.

Нам в целом симпатична здоровая департаментализация мысли: мы по возможности стремимся работать с отдельными проблемами в отдельных философских областях. Не исключено (и даже вероятно), что всякая философская проблема в конечном итоге связана

⁷ Впрочем, не стоит думать, что «Финиковый Компот» – *c'est (seulement) nous*. Кроме наших собственных усилий по разработке заглавной проблемы, представленных в открывающем тексте номера, и нашей редактуры-корректур-верстки, ФК – это еще посвященные той же проблеме тексты авторов, откликнувшихся на *call for papers*; интервью с Большими Философамитм; ширящийся в последнее время блок рецензий; письма о преподавании и обучении философии; не говоря уже об иллюстрациях сотрудничающих с нами художников. О том, что представляет собой наш журнал, во всех подробностях мы писали в другом месте: Мерцалов, Логинов, Ромашова 2018: 216–222.

⁸ Иногда нам даже кажется, что само содержание любого философского тезиса может быть сведено к тем доводам, которые в пользу него выдвигаются, и что тезисы лучше представлять не как острова, которые сразу все на виду, но как айсберги, у которых помимо видимой части – их формулировок – есть невидимое, но неотъемлемое тело залегающих в глубоководной толще аргументов.

со всякой другой, но братья за все одновременно значило бы непростительно переоценивать себя; мы склонны скорее продвигаться от проблемы к проблеме последовательно, в надежде уловить очертания общей картины, оглядываясь временами на пройденный путь. Подобная демаркация пространства размышления сегодня кажется нам единственным надежным способом гарантировать предметность нашей работы: обсуждать проблему, кажется, имеет смысл исключительно в той мере, в какой она не является а-может-быть верной и имеет хотя бы приблизительно осязаемые очертания⁹.

Та же демаркация, на наш взгляд, не менее разумна и в целях отмежевания пространства философской мысли от других областей жизненного мира, которое дает возможность правильно приоритизировать ориентиры интеллектуального усилия. В этом отношении у нас нет тоски по интеллектуальному синкретизму старых-добрых времен, равно как и симпатий к стремлению сочетать в одной дисциплине все возможные достоинства человеческого духа. Нам не кажется, что философия должна быть всем и сразу: в конце концов, она не единственное, чем дух утешится. Тот факт, что помимо работы над философскими проблемами нам интересны велопоходы, стрельба из лука и современная русская поэзия, не является хорошей причиной стаскивать все наши интересы в одно место, чтобы, соорудив из них некое единое занятие, предаваться всему, что нам на этом свете мило, сразу; вполне возможно разграничивать свои интересы и проживать значительную их часть отдельно от философии, ничуть не теряя в итоговом опыте.

Нам в принципе не слышится придыхания в слове «философия»: в нашем представлении это одна из областей исследования в большом семействе прочих. Отличительные особенности, гордая история и особое место в нашем сердце не делают ее ни недостижимо иной по сравнению с другими исследовательскими практиками, ни превосходящей их своей несомненной значимостью. Философ, надрывающийся о том, как наше дело стоит во главе всей человеческой мысли и затмевает все прочие области знания своей ослепительной важностью, в наших глазах мало чем отличается по своей нелепости от об аналогичном надрывающегося физика или математика. Дисциплинарный трайбализм – дело не очень опрятное, а философия, находящаяся на своем месте, ничуть не утрачивает своего достоинства.

Сами мы, напротив, склонны относиться к другим областям научного исследования с той деликатностью и уважением, которых они, как нам кажется, более чем заслуживают. Мы хорошо осознаем ограниченность наших собственных компетенций и пытаемся ступать по землевладениям физики, нейронауки или теологии, куда нас неизбежно периодически заносит, с почтительной аккуратностью, по возможности приглашая в проводники специалистов в этих сферах, нередко посещающих наши встречи и принимающих активное участие в жизни нашего сообщества. Но никакая почтительность не должна раздуваться до некритического доверия, и в той же мере, в какой мы не торопимся принимать за чистую монету собственные домыслы о предметах других наук, мы не спешим механически переносить представления коллег из соседнего научного цеха в свою область – обычно наше общение составляют дни и недели долгих объяснений существа вопроса с обеих сторон, разбирательства, действительно ли мы говорим об одном и том же, и – почти всегда – поиск некоего общего знаменателя. Мы полагаем, что при схлестывании философии с другими исследовательскими областями обеим сторонам всегда есть чему друг у друга поучиться, но ни одной из них не будет к лицу другую поучать.

⁹ Однажды Татьяна Юрьевна Бородай при обсуждении потенциальных научных интересов одного из нас со своей характерной полуулыбкой отрекомендовала ему труды Ю.М. Лотмана по семиосфере как «общий треп». Степень изумления, испытанная тогда от такой характеристики, может сравниться только со степенью согласия, которую мы испытываем с ней теперь. (Отметим, что эта оценка ни в нашем случае, ни в случае Татьяны Юрьевны ни в коей мере не касается собственно литературоведческих трудов Ю. М.)

Понимая философию как исследование, то есть как насколько возможно честный, последовательный и основательный поиск точных ответов на конкретные вопросы, мы считаем, что прежде и наперед чего бы то ни было другого наше дело касается истины. Соответственно, соображения интересности, яркости, красоты и в целом – соображения впечатления, которое оно способно произвести, мы считаем второстепенными. Это не значит, что они для нас вовсе не существуют или что мы относимся к ним с ученым презрением; увлекательность мысли и изощренность слога приятны нам не меньше, чем в-кого-ни-ткни-пальцем во-круг. Но стремление к той и другой – потенциальные источники предвзятости (нет ничего проще, чем предпочесть незанимательной истине захватывающую фикцию), а значит, потенциально опасны и всегда, как минимум, под вежливым подозрением. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что речь лишь о соотносительной, а не абсолютной ценности подобных характеристик. Изысканность, оригинальность, увлекательность, «свой» голос, способность удивить и оказать трансформирующее воздействие на жизнь читателя – все это при прочих равных достоинствах любой философской работы: интересная философия лучше философии во всем точно такой же, только неинтересной. Но эти достоинства не являются для философии кардинальными добродетелями, и стремление к ним кажется нам оправданным только по остаточному принципу: когда сделано все возможное для ясности, точности, обоснованности и в целом – истинности мысли. Когда же мотивация оригинальности, новизны, бойкости слога или нескучности ходов мысли выходят в философской работе на первый план, нам кажется это столь же подозрительным, как если бы кто-то руководствовался в своей интеллектуальной работе прежде всего, например, национальным интересом или жаждой славы. При поиске истины единственная допустимая предвзятость – в пользу самой истины, и нарядная философия ценна только в той мере, в какой нарядность не мешает ей быть философией.

Подобные представления, к которым мы пришли постепенно и каждый со своей скоростью¹⁰, в итоге привели нас к цеховому этосу, в рамках которого аргументированность важнее увлекательности, ясность важнее изысканности, точность важнее красоты, а философская работа в целом – дело прежде всего внимательного труда, а не поспешного вдохновения.

Этот этос оказался несовместим равно и с некогда испытываемыми нами пиететом и благоговением перед титанами и мэтрами философской мысли, и с амбициями молодой шпаны, которая сотрет кого-нибудь с лица земли. Титаны прошлого думали и пытались, оказывались правы и ошибались, и нет никаких причин, по которым мы не могли бы делать того же – в том числе и при их непосредственной помощи. Мы относимся к людям, занимающимся или занимавшимся с нами одним делом, прежде всего как к собеседникам, к сотрудникам в поиске ответов на наши общие вопросы. А это несовместимо с усмотрением в них «гениальности», если относиться к этому слову не как к риторической фигуре, но понимать его всерьез и использовать как линзу для взгляда на чью-то мысль: с гением невозможно нечто обсуждать и о чем-то спорить, поскольку он прав в силу самого своего статуса; он находится за пределами тех эпистемических стандартов, которыми должны руководствоваться несовершенные в своей процедурной рациональности существа; к его словам можно относиться только как к пророчествам, которые требуют не критического обдумывания, будучи истинными *hypothesi*, но экзегезы и, в случае непонимания и несогласия, изменения своей жизни и образа мыслей до тех пор, пока они не станут казаться ясными и очевидно верными. Когда гениальность рассматривается как значимый для оценки мысли философа фактор, философия

¹⁰ 8 Отчасти их становление можно проследить по некоторым нашим «программным» текстам, где мы пытались обобщить и выразить те ходы и приемы, которые так раздражали нас в претендующих на звание философских речах и текстах и от которых мы всеми силами старались избавиться сами, см.: Логинов, Мерцалов 2014: 5–8; Логинов, Мерцалов 2016.

становится вопросом самовыражения, а не исследования: гений не может быть сотрудником и коллегой, он может быть только пророком и лидером культа. Для нас же важно прежде всего содержание мысли, а не характер выразившей ее личности. Мы можем испытывать к ним уважение, почтение или в особых случаях тот род дружеского расположения, который особенно важен для нашего собственного исследовательского умонастроения, но личность все же, на наш взгляд, не должна заслонять собой мысль.

Учитывая все сказанное, неудивительно, что нам чуждо представление о философии как о деле, которым можно заниматься в одиночку и одной только силой и величиной своей собственной личности. Философия, как и любое исследование – дело не индивидуальное, а коллективное (точнее: в большей степени коллективное, чем индивидуальное – т. е. коллективное в том смысле, в каком коллективное (всегда составляющееся из индивидуальных вкладов) вообще только и возможно). В этом смысле мы видим свою задачу-максимум не в том, чтобы добиться великих и впечатляющих интеллектуальных результатов (это, кажется, больше про самолюбие), а в том, чтобы оставить после себя занятое интеллектуальным поиском сообщество и исследуемую им область лучшими, чем они были до нас. Никто не приближается к истине в одиночку, и глупо было бы рассчитывать на романтическое обратное.

Собственно, философия как нечто касающееся в первую очередь стремления к истине и коллективная мысль как единственно возможный добросовестный способ организации этого стремления являются тем, что лежит в основании всех деталей и особенностей наших представлений о том, что важно – по крайней мере в области философии.

* * *

Мы как круг единомышленников родились из неудовлетворенности академической средой, но в то же время наш идеал – это именно академическая философия, пусть и понятая в несколько мечтательном смысле¹¹: как философия профессионалов и сообществ, вовлеченных в совместное исследование, в котором каждый может положиться на специальные знания и на интеллектуальную честность другого как на свои собственные. Этот идеал имеет известные ограничения: он требует доверия и особенного рода дружеской расположенности между теми, кто участвует в этом исследовании. Однако в той мере, в какой исследовательское сообщество в глобальном смысле вообще продолжает несмотря ни на что функционировать, оно, кажется, работает на парах именно этого идеала академии, который, пожалуй, мало изменился со времен первого круга любопытствующих, известного под этим названием.

Приложение

Идея сборника, в составе которого появится этот текст, состоит в портретировании нескольких активных на сегодняшний день поколений отечественной философии. Юлия Вадимовна Синеокая, собирающая эту книгу и обратившаяся к нам с просьбой внести в нее наш скромный вклад, заметила, что, помимо описания собственно профессиональных взглядов и понимания существа своего дела, для полноты подобного портрета важно бывает до-

¹¹ Максим Демин в одной из лекций для ПостНауки (URL: <https://postnauka.ru/video/47551>) замечает, что в современной философской России никто не хочет быть академическим (он говорит: «профессиональным») философом, все хотят быть «свободными» философами. Справедливости ради стоит заметить, что он подает это как некое приблизительное обобщающее наблюдение и едва ли претендует на его строгую всеобщность. И всё же рискнем ему возразить: мы хотим быть именно академическими философами и не хотим быть философами свободными – прежде всего потому, что нам кажется, что «свободная» философия на практике слишком часто оказывается свободной в первую очередь от ответственности, тщательности и требовательности к собственной мысли.

полнить его личным измерением: рассказом о мироощущении, пути в философию и в целом о влиянии нефилософского на философское.

Будучи сами не чужды историко-философскому ремеслу, мы совершенно согласны с этим ее замечанием. Коллективный характер нашего текста, однако, налагает определенные ограничения на возможность личного высказывания: перечисление различных жизненных путей и личных взглядов всех участников ФК было бы делом долгим и беспорядочным, а суммирование их в общую характеристику, приложимую ко всем сразу, либо вовсе не возможно, либо чрезвычайно малоинформативно.

В итоге мы решили дополнить общий текст о нашем коллективе персональными историями пути в философию всего трех его участников – авторов этого текста. Как сам наш коллектив не стоит считать репрезентативным в отношении нашего поколения, так и наши истории не стоит считать репрезентативными в отношении нашего коллектива. Однако в обоих случаях некую ценную информацию, мы надеемся, читатель из этих текстов вынести все же сможет.

Евгений Логинов

Я родился в подмосковном городе Дубна, мои родители – инженеры. С детства меня окружали люди, которые имели отношение к физике. Мой отец занимается ионными источниками, которые участвуют в синтезе новых химических элементов, а мать – инженер-акустик. Примерно до конца средних классов я думал, что моя жизнь будет связана с науками о природе. Однако я, видимо, не унаследовал способностей, благодаря которым люди создают сложные технические системы и управляют их работой. Полагаю, что это все же не означало, что я не мог бы стать физиком-теоретиком. Но приблизительно к концу девятого класса я пришел к выводу, что, чтобы преуспеть в этой области, нужно решать задачи олимпиадного уровня, а чтобы решать их, мне нужно сформировать базовые навыки, одолевая много задач низкого уровня, а это довольно нудное дело. Несложные задачи, впрочем, мне более или менее удавались, но в своеобразном стиле: по оценке моей школьной учительницы математики С.И. Назаровой, мои решения часто содержали излишние усложнения, делавшие рассуждения полными лишними шагов и ненужных гипотез. Мне часто не удавалось до конца понять некоторые конвенционально принятые в элементарной математике вещи. Например, когда нас учили решать нестрогие неравенства методом интервалов, то сообщили, что рядом со знаком бесконечности всегда нужно писать круглую, исключаящую, а не квадратную, включающую, скобку. Причину этого объяснили так: бесконечность никто не видел, поэтому ее нельзя включать. Выражение «бесконечность никто не видел» не показалось мне правильно построенным, так что обоснование теряло смысл вместе с тезисом, который оно обосновывало. В результате он превращался в пустое правило, к которому я терял специальный интерес.

Примерно к тому же времени развился мой интерес к рассказыванию историй, который, полагаю, был с раннего детства. Думаю, особо его стимулировали чтение художественной литературы и занятия в детско-юношеской газете «Живая шляпа» у Т.И. Романовой.

Из литературы наиболее существенное влияние на развитие моего воображения оказали книги профессора Дж.Р.Р. Толкина и доступная в русских переводах классическая японская и китайская поэзия. Толкин не только показал мне интересных персонажей и яркие сцены, но дал пример добротного конструирования мира, его космологии и космогонии, что будило любопытство не меньше, чем изобретатель одного из эльфийских алфавитов Даэрон или король Элессар Тельконтар, резня в Альквалондэ или битва Нирнаэт Арноэдиад. Интерес к Толкину привел меня в ролевое движение, в рамках которого я долгое время занимался крайне неисторической версией исторического фехтования, которая, впрочем, сильно

влияла на мой характер. Чем объяснить интерес к хайку, я точно не знаю, возможно, тут могла бы ссылаться на увлечение карате. Впрочем, если наш сэнсэй и интересовался культурологическим аспектом боевых искусств, то своим ученикам он этого не показывал. Мой же интерес к этим аспектам, наверное, можно лучше объяснить увлечением «Звездными войнами», изучение общекультурного контекста которых привело меня к чтению книг по культурам Дальнего Востока и знакомству с наследием Акиры Куросавы.

Мои первые исследовательские работы, написанные в школе под руководством учителя русского и литературы И.А. Буровой, были посвящены, насколько я помню, параллелям между образами во «Властелине колец» и событиями Второй мировой войны, отражению антифеодалных настроений японского общества XVII–XIX веков в поэзии К. Иссы и гедонизму в классической танской поэзии. Это, конечно, не были научные исследования в собственном смысле слова, но занятия этими темами дали мне самое общее представление об анализе источников и комментаторской литературы, ссылочном аппарате и презентации результатов такой работы в виде текстов и докладов.

Из занятий в «Шляпе» я вынес некоторые – самые общие – сведения о том, как работают издательские и журналистские коллективы, и получил опыт критики своих текстов. Там же я узнал о писателях, с творчеством которых иначе я бы познакомился, вероятно, существенно позднее. Особенно мне приглянулся Абрамс Бирс, рассказы которого равно отличались и от того, что предлагала школьная программа, материал которой мне в целом не казался чем-то неинтересным (особенно небезынтересными были Гоголь, Тургенев, Замятин и Распутин), и фантастической литературы, которую я читал с целью пережить нечто похожее на опыт погружения в мир Толкина.

Наверное, решающим моментом стало чтение между девятым и десятым классами книги Льва Гумилева «От Руси до России». Насколько я помню, меня поразило, что история может быть не более или менее занимательно упорядоченным набором фактов, а иметь какое-то одно, целостное объяснение. Сейчас я крайне скептически отношусь к философии истории Льва Николаевича, хотя сохраняю уважение к его эрудиции и литературному стилю. Но нужно признать, что тогда он произвел на меня сильное впечатление, под действием которого я окончательно отказался от мысли связать свою жизнь с физикой и стал двигаться, скорее, в сторону исторической науки. Последние два года школы я читал романовских историков. Пожалуй, среди них самые теплые воспоминания у меня остались от «Истории России...» Сергея Соловьева. Довольно быстро я понял, что меньше всего меня интересует военная история – боже, что может быть скучнее, чем разбор схем сражений! – и больше всего – история общественно-политических учений. Именно этот аспект я старался выудить и из художественной литературы, и из исторических сочинений, и из учебника по обществознанию. В «Войне и мире» ни война, ни любовь не показались мне особенно интересными, в то время как духовные искания Пьера были увлекательны. Из отечественной истории мне нравилось читать про церковные споры, про виды народнической доктрины, про императорскую пропаганду и споры социалистов между собой. В результате этого интереса я купил свое первое академическое философское издание – двухтомник Чаадаева, чтение которого я закончил с мыслью, что изначально мне приглянувшиеся философско-исторические идеи Петра Яковлевича на самом деле почти ничего не стоят сами по себе, а вот его размышления о Боге не лишены определенной глубины. Пожалуй, наименее полезным для меня было занятие обществознанием. Действительно интересными в этом предмете были только блок «Человек и общество», в рамках которого мы кратко знакомимся с элементами историко-философского знания (другие, «соцфильские» элементы этого раздела не нашли моих симпатий), и блок «Экономика», который впечатлил меня своей ясностью и разумностью, но оттолкнул графиками. Чтение в рамках блоков «Политология» и «Социология» оставили меня в убе-

ждении, что это вообще не науки, а просто набор классификаций, составленных людьми, в разной мере одаренными остроумием; изучение блока «Юриспруденция», кроме раздела про теорию государства и права, – скучнейшая вещь на Земле.

В одиннадцатом классе я прочел несколько книг Сартра, через которого на гугл-волне я оказался на сайте интернет-журнала «Скепсис», где от экзистенциалистских текстов и текстов про экзистенциализм я быстро перешел к чтению марксистских и околomarксистских сочинений, среди которых мне показались наиболее интересными статьи Альтюссера.

Прошли выпускные экзамены. В мой год не было ограничено количество вузов, в которые можно подавать документы, так что мои оказались, кажется, во всех московских университетах, где были хорошие гуманитарные факультеты. Некоторые из них произвели на меня скорее отталкивающее впечатление: в РГГУ был сущий хаос, а у Вышки, напротив, было слишком много порядка. В итоге я оказался на философском факультете МГУ, где соотношение хаоса и порядка показалось мне оптимальным. Кроме того, меня впечатлила архитектура Главного здания, которое я и сейчас считаю одним из самых красивых строений в мире.

Между окончанием школы и первым курсом я прочел в Википедии про «философское кафе». Там было сказано, что это нечто среднее между кофе-брейком и семинаром; мне это приглянулось. С августа 2009 года мы с друзьями начали собираться в местном кафе «Хижина», рассуждать на самые разные темы от ислама до Макиавелли. Когда в сентябре я переехал в Москву, то эта форма деятельности переехала вместе со мной.

На первом курсе специальных философских предметов немного, но я с удовольствием ходил на курсы, которые читали люди с других факультетов: психологию от А.В. Лызлова, физиологию высшей нервной деятельности от А.В. Латанова, историю Древнего мира от И.А. Ладынина и В.О. Никишина, антропологию от С.В. Дробышевского. Пожалуй, с точки зрения полезности для моих дальнейших научных занятий в области философии сознания курс Латанова оказался наиболее важным для меня. Есть разные точки зрения на наличие в нашем образовании того, что напрямую не касается получаемой специальности. Андрей Мерцалов, например, считает, что лишние пары отвлекают от погружения в собственно философскую работу, а Александр Саттар как-то говорил мне, что после близкого знакомства с американским философским образованием пришел к выводу, что разнообразие лишних курсов в нашем университете – это скорее благо, так как помогает узнать, чем в принципе захлавлен на данный момент интеллектуальный горизонт человечества. Я сам полагаю, что это не так важно с практической точки зрения: ретроспективно мне кажется, что я тратил время только на те предметы, которые казались мне увлекательными, а все остальное просто сдавал во время сессии.

Из собственно философских предметов меня впечатлили логика, которую вел Д.В. Зайцев, и история зарубежной философии, которую читали М.А. Гарнцев и Д.В. Бугай. Стоит, однако, отметить, что значение логики для философии я понял уже после того, как сдал третий, последний экзамен по этому предмету, уже в рамках своих исторических штудий по аналитической философии. Но как самостоятельный предмет логика в МГУ читается, по моему, просто великолепно.

Гарнцев почти весь первый семестр читал нам философские аспекты древневосточных космогоний, поражая своей ученостью. Уже на первой лекции он начал пояснять то, что написал на доске по-среднеегипетски, декламируя Гомера по-древнегречески, и через некоторое время, вероятно осознав, что теряет аудиторию, решил пояснить греческий текст цитатой на немецком (кажется, это было что-то из Ницше, но я не уверен). Обладая такой ученой формой, эти лекции были полны содержанием, которое несильно отличалось от того, что мне нравилось в фэнтези: дикий существа, описание других миров, их устройства, происхождения и т. п. Сегодня я ценю лекции М.А. Гарнцева еще и за то, что во многом именно его

работа сделала содержание полученного мною философского образования этнически инклюзивным, благодаря нему я кое-что знаю о т. н. незападной философии; и это очень хорошо. Пафос и эрудицию, которые олицетворял собой Михаил Анатольевич, дополнял скепсис Дмитрия Владимировича, который внушал нам историко-философскую осторожность. В сочетании эти качества сделали курс по истории философии тем, что привело меня на кафедру ИЗФ. Сначала у меня было намерение заняться там китайской философией, но курс по истории греческой философии, который читается во втором семестре первого курса, развеял для меня очарование Востока. В итоге какой-то определенной темы у меня не было.

По какой-то причине я попросил быть моим научным руководителем профессора Вадима Валерьевича Васильева, о котором я тогда слышал только то, что он ненавидит континентальную философию, что, разумеется, как я понимаю сейчас, неправда; да и что такое эта «континентальная философия», я после первого курса представлял себе крайне смутно. Васильев тогда только завершил свою книгу «Трудная проблема сознания» и был погружен в изучение истории аналитической философии. Возможно, поэтому он предложил мне работать с теорией референции Хилари Патнэма; я ничего не имел против. В качестве научного руководителя Вадим Валерьевич ни в чем меня не ограничивал, напротив, я мог двигаться туда, куда вело меня исследование. У Васильева я заимствовал свой двойственный исследовательский габитус: заниматься и историей философии, и собственной философской работой в области метафизики. Именно у Васильева я научился своим представлением о том, чем нужно заниматься в нашей профессии, что такое философия и что в философии самое важное и значимое – это аргументы. Пожалуй, наиболее важный, как мне кажется, эпизод моего ученичества у Васильева произошел в связи с его спецкурсом по Юму. Днем я был на лекции, в которой Вадим Валерьевич рассказывал про теорию причинности. А поздним вечером, возвращаясь в общежитие на метро, я проспал свою остановку, в результате чего вышел очень глубоко на юге Москвы. Точной дороги домой я не знал, метро уже было закрыто, смартфона с картой у меня не было, такси еще не было городской повседневностью. Бредя почти наугад в сторону ДАСа, я стал обдумывать то, что услышал на лекции, и вдруг понял, что не уловил до конца юмовскую критику априорности причинной связи. Тогда я остановился и открыл свой ноутбук с конспектом. Перечтя записи, я вдруг понял, что то, что Юм в передаче Васильева говорит о причинности, – это так и есть. Это не просто культурный артефакт, не просто интересный исторический сюжет, не просто красивая фантазия, не просто удачное риторическое построение, не просто глубокое прозрение и не только тонкое наблюдение, а истина, то, как самое дело обстоит на самом деле. Честно говоря, не помню, как добрался до дома.

Первые два года у Васильева я работал над идеями Патнэма, потом перешел к изучению наследия одного из его оппонентов – Ричарда Рорти. Параллельно с этим я занимался Философским кафе, которое первые три моих курса существовало в симбиозе с проектом Игоря Цупко «Литкруг» и состояло в основном из докладов, которые разные люди делали в московских кафе и барах. Доклады касались самых различных вещей от сталинизма до супергероев, но все же они почти всегда содержали некоторый философский аспект. Костяк ФК сложился к третьему курсу: кроме меня, туда входили Лидия Ким с филологического факультета, Кристина Бурмина и Иван Фомин с кафедры ИЗФ. Таким составом мы начали в 2012 году выпускать журнал «Финиковый Компот», задуманный как печатный орган Философского кафе. После первого выпуска к нам присоединился Андрей Мерцалов, который учился на кафедре онтологии и теории познания на два года старше нас. Благодаря Андрею, журнал стал серьезнее, и собственно философский аспект в нем усилился. Полагаю, что общение с Андреем существенно усилило ту ассоциацию философии и истины, которая впер-

вые всерьез возникла у меня благодаря Васильеву и Юму, – Андрей, насколько я понимаю, всегда держал ее перед своим умственным взором.

Примерно в это время я познакомился с А.А. Костиковой, лучшим семинаристом из тех, у кого я учился. У Анны Анатольевны есть очень интересный дар: она делала то, что я не понимал, для меня понятным, а то, что, как мне казалось, я понимал, – совершенно непонятным, сложным, проблематичным, что делало занятия у нее на редкость продуктивными. Работа с ней, а также отличный трехсеместровый спецкурс по французской философии, который нам читал А.А. Кротов, оставили в моем уме глубокие галломанские следы.

Я окончил факультет в 2014 году, написав у Васильева диплом об историко-философской концепции Рорти, часть которого потом опубликовал в журнале «Вопросы философии». Параллельно с работой над прагматизмом я интересовался тем, что Васильев делал в области аналитической философии. Видимо, поэтому Вадим Валерьевич предложил мне заняться историей взаимодействия этих двух традиций – эту тему я исследовал следующие три года в аспирантуре, результатом чего стала моя диссертация.

В том же 2014 году мы с Андреем отправились на конференцию о сознании и свободе воли к берегам Гренландии на яхте «Рембрандт ван Рейн». Конференцию устроил ученик Васильева Дмитрий Волков, собрав там, кроме российских философов, Д. Чалмерса, Д. Деннета, П. и П. Черчлендов, Р. Хауэлла, Ф. Гоффа, М. Нида-Рюмелин, Дж. Принца, А. Кларка, К. Франкиша, Д. Перебума. И хотя к тому времени я уже переписывался с Чалмерсом и брал интервью у Деннета, довольно длительное и живое общение с представителями аналитической традиции, которую я изучал как историк и идеями которой питался как философ, было для меня чрезвычайно полезно. Эта конференция во многом определила мой интерес к проблеме свободы воли и детерминизма, которой я занимаюсь до сих пор и как философ, и как историк философии.

После этой конференции ФК стал журналом о фундаментальных метафизических проблемах. На этом этапе я подружился с Артемом Юнусовым, совместная работа с которым была на данный момент последним важным источником моего представления о том, что такое хорошая философская деятельность. У Артема я учусь правильному использованию скептицизма в философии: мы действительно многого не знаем и, вероятно, знать не можем, но каждое конкретное утверждение 1059 о незнании требует точно такого же доказательства, как и утверждение о знании; скептик – не дворянин от философии на особом положении, а такой же работник цеха, как и догматик.

Андрей Мерцалов

Детство мое было счастливым, окруженным родительской заботой и любовью. Родился я в сентябре 1990 года в Дзержинске, но уже через несколько месяцев меня перевезли подальше от плохой экологии в город-курорт Пятигорск, где я и рос до самого поступления в Москву.

Моя мама, Елена Валерияновна, преподаватель фортепиано в детской музыкальной школе, всегда очень заботилась о моем развитии, поэтому образование я начал получать довольно рано. С трех лет меня отдали в дошкольную АБВГДЕйку; дома мама учила меня считать, читать и писать. Это позволило мне, еще не достигнув шести лет, пойти в 1-й класс.

Меня отдали в одну из лучших на тот момент школ города – частный православный «Лицей-ИКС» (аббревиатура которого официально расшифровывалась как «Интеллект, красота, совесть»), но, разумеется, чаще лишь рождала шутки про X-men'ов), где я отучился полные 11 классов. Православный характер лицея выражался, в частности, в том, что у нас был собственный священник, который ежедневно читал нам утреннюю молитву и раз в неделю –

проповеди. Однако в 6-м классе я окончательно окреп в своих атеистических убеждениях и наотрез отказался посещать богослужения, что позволило мне с тех пор лишние полчаса проводить в кровати.

Учеба никогда не вызывала у меня каких-либо проблем, хотя и никакого особого интереса к знаниям до старших классов я не питал: лет до 12–13 мне всегда было интереснее побегать во дворе, поиграть в футбол и покататься на велосипеде, чем листать нудные книжки и корпеть над тетрадками. Родители в этом отношении много досадовали, – например, о том, что я исключительно мало читал, – но любили меня, а потому принуждения к каким-либо занятиям я не испытывал.

В отрочестве, тем не менее, мои интересы начали несколько меняться. Во многом тому способствовали учителя лицея. Политика школы состояла в том, чтобы привлекать к преподаванию в средних и старших классах преподавателей высшей школы и молодых ученых. Именно их любовь к профессии, талант и желание не просто вложить в учеников курс школьной программы и не столько обучить их какой-то отдельной теме или параграфу учебника («чтоб от зубов отскакивало»), но в первую очередь в целом научить учиться, заинтересовать своей наукой и побудить к самостоятельной работе позволили мне впервые почувствовать удовольствие от освоения знаний. (Исключительно яркими в этом отношении были уроки математики, химии и литературы, но особую роль для меня сыграл мой учитель английского языка, доцент кафедры английской филологии факультета английского и романских языков Пятигорского государственного лингвистического университета Виктор Алексеевич Толмасов – его отеческая забота в сочетании со строгостью и бескомпромиссностью в оценках учили признавать собственные ошибки и наличие лакун в знаниях, тем самым обеспечивая первый шаг на пути их возможного устранения.) Не то чтобы я начал проявлять какое-либо прилежание и систематически что-то изучать – более показательным примером моих научных изысканий того периода будет то, что я воровал препараты в Пятигорской фармацевтической академии, где проходили наши лабораторные занятия по химии, и затем дома, листая Н.Л. Глинку, выискивал, что бы такого интересного я бы мог получить, смешав добытое с чем-нибудь из кухонного шкафа или домашней аптечки, после чего мне обычно приходилось отмывать плиту и стены.

Видя подобные безобразия, мой отец, Виктор Леонидович, решил поспособствовать тому, чтобы сделать мои естествоиспытания несколько более осмысленными. Обладатель широчайшей эрудиции, отучившийся 2 года на матмехе и закончивший затем экономфак в ЛГУ по специальности «экономическая кибернетика», поступивший далее в аспирантуру Института философии АН СССР и под руководством А.Д. Урсула защитивший кандидатскую по философским проблемам кибернетики и искусственного интеллекта, он преподавал чуть ли не во всех вузах КМВ, кажется, по любой специальности. Мне достались его научно-популярные лекции. Отдельные просветительские рассказы (о динозаврах, природе, космосе и т. п.) я слушал и прежде, но класса с 8–9-го они обрели более систематический характер: мы начали регулярно, пару раз в месяц по выходным, выходить на прогулки по Машуку – либо до ближайшего нарзанного источника, либо вокруг горы, – и все те 2–3 часа, что длилась прогулка, отец обычно посвящал какой-либо отдельной теме, знакомя меня с ней во всех подробностях и деталях, а я пытался вникать, изредка что-нибудь уточняя и переспрашивая.

Не думаю, что его лекции заранее были выстроены каким-то курсом, но разговор на одной прогулке довольно часто развивал тему предыдущей и перетекал в последующие. Так, начали мы, если я верно помню, как раз в контексте моих химических опытов с теории вещества и довольно быстро, месяца за полтора, от античных представлений о его структуре через алхимию подоברались к XX веку. На этом месте стало понятно, что мои познания в физике

никак не достаточны для того, чтобы двигаться дальше, и отец прочел мне краткий курс классической механики, термо- и электродинамики, которые показались мне довольно скучными. Оттуда прямой путь лежал в квантовую теорию и теорию относительности, которые, напротив, показались мне чрезвычайно захватывающими: в разговорах о них мы провели, кажется, не менее полугода и еще не раз возвращались к ним впоследствии. Дома отец регулярно подсовывал мне книжки по пройденным темам (благо домашняя библиотека более чем в 10 000 томов позволяла это делать) – Дж. Орира и Я.И. Перельмана, В. Гейзенберга и Р. Фейнмана, Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица, – но занимательной физике я предпочитал занимательные миры научной фантастики К. Саймака и Р. Шекли, Р. Брэдбери и А. Азимова, А. Кларка и Г. Гаррисона. От физики мы перешли к космологии, теории Большого взрыва и инфляционной модели, эволюции вселенной, образованию звезд и солнечных систем. После краткого введения в устройство и геологическую историю Земли мы двинулись к гипотезам возникновения жизни и затем – к теории эволюции и палеонтологии, где-то к 2006 году добравшись до гоминид.

В то время отец как раз активно работал над книгой «Логика антропогенеза: происхождение человека еще не завершено» – переработкой его раннего труда «Рождение сознания», вышедшего еще в 1998 году и написанного отчасти по наблюдениям за моим развитием (так что с известной долей условности можно сказать, что философия сознания познакомилась со мной гораздо раньше, чем я с ней). Основной задачей работы, насколько я понимаю, было построение общей модели фило- и онтогенетического возникновения и развития высших психических функций – сознания и самосознания. Мне сложно сказать, как бы я отнесся к изложенным в книге идеям, познакомься я с ними сегодня (впрочем, две из них – гипотеза возникновения прямохождения у человеческих предков и гипотеза возникновения языка – кажутся мне привлекательными и сейчас, если отвлечься от их полемического пафоса), но в те дни отец знакомил меня с ними, будучи убежден, что совершает в этой области революционные открытия, и я, как один из ближайших причастных к ним, всецело разделял его энтузиазм и воспринимал его идеи буквально как откровения. Вместе с ними к началу 11-го класса я освоил курсы по антропологии, общей психологии и психологии развития, этологии и сравнительной психологии, навсегда полюбив Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, А.Р. Лурию, С.Л. Рубинштейна и К.Э. Фабри.

На основе идей о том, как развивались способность к мышлению и представление о Я у нашего вида и какое влияние это оказывало на развитие человеческого общества, отец строил предположения о том, как общество может измениться в ближайшем будущем, развивая свои политэкономические взгляды о том, как должно быть устроено справедливое государство. Несмотря на то, что эти идеи отец подавал как главное практическое приложение своей теории сознания, связь первых со второй всегда представлялась мне туманной, политической я совершенно не интересовался, и потому, хотя несколько наших прогулок были посвящены основам экономики и теории государства и права, я противился погружению в эту область. С другой стороны, под свои рассуждения о сознании отец подводил довольно экстравагантные метафизические представления, и они были для меня заманчивы. Подробнее в них он посвятил меня позже, когда мой интерес к философии уже достаточно окреп.

Сам я начал знакомиться с философскими текстами (если, конечно, не считать классиков русской литературы) в 10-м классе с «Философских повестей» Вольтера, показавшихся мне, однако, малосодержательными. За содержанием я решил обратиться сразу к «Критике чистого разума», о которой был много наслышан. Однако свое бессилие перед этой книгой я вынужден был признать уже на вступительной статье Т.И. Ойзермана, которую не смог одолеть; а перелистнув ее и столкнувшись с двумя Предисловиями, показавшимися мне еще более тяжеловесными, я сдался. Настоящим открытием для меня стал Беркли, подсунутый

мне отцом. Его «Трактат о принципах человеческого знания...» на месяц стал моей настольной книгой. Его рассуждения казались мне столь ясными и последовательными, а выводы, к которым он приходил, столь контринтуитивными, что повергали меня одновременно в восторг и изумление: я был убежден, что Беркли радикально неправ насчет материи, Бога и вообще всего, но мне решительно нечем было ему возразить, и это волновало и захватывало. «Первоначала философии» Декарта, с которыми я познакомился далее, окончательно заворожили меня; отец лишь подпитывал мое увлечение, знакомя меня с интригующими философскими проблемами и копьями, ломавшимися философами в попытках их одолеть; и когда осенью 11-го класса передо мной встал вопрос, кем я хочу быть и как мне дальше строить свою жизнь, я совершенно осознанно сделал выбор в пользу философии.

Мама пророчила мне МГУ, сколько я себя помню; но, когда классе в 9-м стало понятно, что никакими особо выдающимися способностями я не обладаю, настойчивость родителей в том, чтобы отправить меня в первый вуз страны, угасла. В 11-м классе по итогам каких-то школьных олимпиад (на которых я, впрочем, тоже ничего блистательного не показывал) меня уже ждал Ставропольский университет, но я рассчитывал попытаться счастья если не в Москве, то хотя бы в Санкт-Петербурге. Внезапно отец узнал об олимпиаде «Покори Воробьевы горы», победители которой зачислялись в МГУ автоматически. Для заочного этапа нужно было всего лишь написать эссе – я ничего не терял, а потому решил попробовать. Эссе я написал сам; а потом мы потратили с отцом сутки, чтобы его перелопатить. В итоге от моих исходных мыслей не осталось ровным счетом ничего. Так я впервые столкнулся с редактурой, и она мне очень не понравилась. Тем не менее я прошел.

На очном этапе за один день надо было сдать все вступительные экзамены. На подготовку к ним у меня было около двух месяцев. За это время я успел освоить учебники для 1-х курсов по экономике, социологии, культурологии и теории государства и права, добытые отцом из ПГЛУ. Самым страшным экзаменом для меня была история, которую я никогда не понимал и к которой испытывал личную неприязнь: в отсутствие каких-либо общих принципов и строгих закономерностей в этой области объяснение любого исторического события казалось мне исключительно надуманным (как удивился я тому, что может быть иначе, классе в 9-м познакомившись с «...великой степью» Л.Н. Гумилёва! и как разочаровался я в исторической науке в целом, когда отец разуверил меня в том, что пассионарная теория является чем-то большим, нежели простой спекуляцией!), всякое изложение последовательности исторических событий в этой связи представлялось мне в лучшем случае лишь более (как у Г.П. Данилевского) или менее (как в учебниках) занимательным рассказом о персонажах, которые, правда, сами по себе никогда меня особо не интересовали (даже увлекательные повествования отца об исторических фигурах не вызывали во мне никакого отклика), – но притом рассказом, которым я даже не мог наслаждаться как литературным произведением, ибо по какой-то необъяснимой для меня причине должен был заучивать его во всех деталях для пересказа на уроках, зазубривая имена и даты, которые никогда не держались у меня в голове дольше недели, а если и не вылетали, то обязательно перемешивались. Всё это обеспечило мою нелюбовь к истории и замшелую невежественность в ней. Борьба с последней не брался никто: слыша о подготовке к вступительному в МГУ с нуля за 2 месяца, все репетиторы лишь разводили руками. Вызов бесстрашно приняла одна только Марина Валерьевна Рутковская, к. ф. н., доцент кафедры философии ПГЛУ, – исключительно ее неимоверные усилия и преподавательский дар позволили мне сдать этот совершенно безнадежный для меня предмет. По результатам ПВГ, объявленным в апреле 2007 года в бессонную для моих родителей ночь, я стал студентом 1-го курса философского факультета МГУ.

Остаток времени до переезда в Москву я много беседовал с отцом о физике (к тому времени в Сети уже появились пиратские копии перевода «Элегантной Вселенной» Б. Грина,

который было не достать в магазинах Пятигорска) и метафизике. Свои собственные представления в этой области отец обычно подавал в противоположность всему тому, что называл современной философией. Олицетворением последней для него был Хайдеггер, которого отец клеймил званиями шарлатана и болтуна, который только и хочет, что произвести на читателя впечатление «глубиной» своей мысли, но никак не ее вразумительностью и истинностью. Истина же в философии – главное. Критерий ее – успешность практики, а путь ее достижения – аргументативность, последовательность, систематичность, максимально прозрачная ясность рассуждения – словом, «логика» (краткий курс которой был тут же прочитан мне за пару-тройку прогулок). В этом философия ничем не отличается от математики, и в каждой науке ровно столько науки, сколько в ней есть философии, т. е. логики, – учил отец. В качестве примеров «хороших» философов им приводились классики: Аристотель, Кузанский, Декарт, Спиноза, Кант и вершина всей классической философии – Гегель. После Гегеля, полагал отец, в философии началась какая-то ерунда: философы не сдюжили толком осмыслить монументальную систему и пустились кто в лес – в литературу, словоблудие и стилистический пафос, как Ницше, Хайдеггер, Сартр и Делёз, – кто по дрова – в частные огрызочные проблемы, которых грамотно не решить в отсутствие систематичности и полноты картины, – как, например, позитивисты различных волн. Сам отец полагал, что философия на Гегеле не просто не закончилась – только с него она, собственно, и начинается. Нужно лишь переосмыслить его систему – исправить многочисленные ошибки, перевести ее на материалистические рельсы, основать на новом, надежном фундаменте данных естественных наук. В этом направлении он и работал.

Его собственная система, насколько я сейчас могу вспоминать и судить, по духу своему была чем-то средним между гегелевской философией и диалектическим материализмом, притом исполненная резкой критики центральных положений обоих этих учений. Отец не жалел часов, чтобы доказать мне ложность буквально каждого положения диамата, прочитанного по-ильенковски, полнейшую абсурдность «трех законов» советской диалектики и т. п. Отдельное внимание он обращал и на ошибки и упущения гегелевской «Логики» – например, на совершенно незаслуженное игнорирование им категории наличного ничто, которая выводилась из исходных понятий ровно так же, как и «наличное бытие», и без которого вся гегелевская схема оказывалась, в его глазах, довольно скособоченной. При этом сам язык отцовской метафизики полностью заимствовался у Гегеля: вещь, качество и количество – триада, служившая ее стержнем, – причудливым образом находили друг в друге бытие и небытие своих конкретных и абстрактных определенностей, положенных как границы отрицанием своего иного, отличаясь тем самым от самих себя и обнаруживая тождество с иным. Поскольку, однако, критерием истины признавалась практика, смысл, который отец вкладывал во все эти абстракции, довольно доходчиво разъяснялся им мне на пальцах, кошках и карандашах, а каждое положение он проверял на соответствие фактам и устоявшимся научным положениям. Получавшаяся в итоге картина завораживала высотой абстрактности и убеждала соответствием действительности; она во многом преобразила, а отчасти и сформировала мой взгляд на мир; и особенно привлекательно она смотрелась в свете своей оппозиционности всей классической, советской и современной философии.

В Москву я ехал с явным пониманием того, чем я хотел заниматься и что буду делать. Моей общей целью было развитие представленной отцом метафизической системы – не потому, что она была представлена им, но потому что я находил ее единственно верной. С этой целью мне предстояло получше вникнуть в естественные науки, а также, собственно, в философию, сосредоточившись в первую очередь на представителях Нового времени и немецкой классике. Знакомство с работами Хайдеггера, Гадамера и Мамардашвили, случившееся у меня на первых же семинарах по онтологии в 1-м семестре, лишь подтвердило в моих глазах

все выносимые отцом оценки современной и советской философии и укрепило во мне убежденность в верности намеченной мной стратегии.

В этой связи на первых двух курсах наиболее полезными для меня предметами были логика (которую нам читал Д.В. Зайцев), психология (Е.Е. Соколова), физиология высшей нервной деятельности (А.В. Латанов), антропология (С.В. Дробышевский) и космология (М.В. Сажин) – по ним я пытался работать самостоятельно и читать сверх необходимого. Собственно философские же дисциплины в основном либо удручали меня своей пустотой и бессодержательностью, либо вызывали зубовный скрежет от глубокомысленного пафоса тех пустых и бессодержательных идей, которые на них разбирались, и я нередко прогуливал их, предпочитая проводить время с томиком Спинозы или Лейбница. Ярким исключением для меня были лекции по истории зарубежной философии: «Энума Элиш», прочитанная наизусть на аккадском Д.В. Бугаём на одной из первых же пар, до сих пор звучит песней в моем сердце, а артистизм, с которым Г.Г. Майоров рассказывал о досократиках, побуждал проникаться их идеями как последними достижениями научной мысли – и тем не менее я не находил ответа на вопрос, как в достижении моей цели мне могут помочь веданта или патристика.

Намеченный мною путь освоения метафизики обещал быть очень долгим, но попутно я мог заниматься интереснейшими частными проблемами происхождения сознания, общая модель которого уже была мне известна. В первую очередь я хотел разобраться с вопросом возникновения ортоградной бипедальной локомоции у человеческих предков, с которой отец связывал первые проявления высших психических функций, а потому специализация на кафедре философской антропологии представлялась мне как нельзя более подходящей. Я прочитал с десятков монографий антропологов, познакомился с парой дюжин конкурирующих гипотез, и все они показались мне менее убедительными, чем та, что была в общих чертах предложена отцом. Ее я постарался, как мог, уточнить, дополнив фактическими сведениями, и подал в противоположность краткому обзору других гипотез. Но когда Ф.И. Гиренок, бывший моим научным руководителем, сказал, что мне стоило бы уделить больше внимания осмыслению открывшегося для вставшего на две ноги гоминида горизонта как смерти, я понял, что продолжать заниматься той антропологией, что я хотел, у меня не получится.

К третьему курсу я, как мне казалось, уже освоил Гегеля и готов был вершить первые робкие шаги в метафизике. Я перешел на кафедру онтологии и теории познания, где взялся за написание трактата «О движении, или Раскрытие природы движения в ее двойственности: движение как изменение и движение как перемещение, а также о соответствующей ей природе покоя». По существу, эта работа являлась прямым продолжением наших с отцом разговоров о том, что такое существование. Специфическое переосмысление берклианского «регсірі» и энгельсовского «движения» обращалось трактовкой существования как взаимодействия, в структуре которого выделялись разнообразные формы движения и покоя. Эту трактовку я изложил в исключительно догматическом, но по крайней мере последовательном (как мне казалось) квазигегельянском стиле, чем был очень доволен. Следующая курсовая была посвящена онтологии вещи и содержала (аналогичное по духу) переложение отцовской триадической модели с некоторыми моими додумками и уточнениями.

Диплом задумывался как синтез двух предыдущих работ: проблемы движения, изменения и онтологии вещи сливались в общий вопрос становления нового качества. К тому моменту я уже был знаком с работами эмерджентистов, и меня поражала та настойчивость, с которой они утверждали необъяснимость и непредсказуемость возникновения качественно нового. О том, как возникают качественно новые высшие психические функции, сознание и самосознание, я знал давно; о происхождении психики писали, кажется, все классики советской психологии; по вопросу о возникновении жизни мне было известно несколько ради-

кально различных гипотез, но в них прослеживались некие схожие мотивы; штудирование работ по космологии, термодинамике и квантовой химии давало мне представление о том, как возникают химические свойства. Все эти модели объединяли общие черты, которые мне оставалось лишь выделить и представить в свете имевшейся метафизической системы. И эта задача оказалась мне по силам!

Решение эмерджентистской проблемы, которое, как я полагал, мне удалось найти, стало моим первым собственным достижением в метафизике. Вторичность моих идей все прошлые годы меня несколько не беспокоила – где речь идет об истине, нет места собственному. Но достижение в решении проблемы, которое я мог приписать себе, вдохнуло в меня новые силы. В 2012 году я шел в аспирантуру, зная, что имеющиеся наработки позволят мне – ни много ни мало – решить психофизическую проблему, прояснив связь качеств в вещи и вопрос возникновения одного качества на основе другого.

Первый ощутимый удар по моему ханжескому самомнению и самоуверенности нанесла З.А. Сокулер на 3-м курсе. Ее спецкурс о становлении классических научных идей, где мы подробно разбирали работы Аристотеля и Кузанского, считавшиеся мною освоенными еще на 1-м курсе, отчетливо дал мне понять, что я совершенно не умею читать: как обнаружилось при ближайшем рассмотрении, многие идеи этих авторов, включая ключевые, были поняты мною не просто превратно, но прямо противоположным образом.

Второй удар мне нанесли (и, слава богу, продолжают наносить) товарищи по Философскому кафе, куда я начал захаживать курса с 4-го. Тогда я остро чувствовал интеллектуальное одиночество: меня окружали коллеги, увлеченные феминизмом, акторно-сетевой теорией и телом без органов, – проблемы того, как качество соотносится с количеством, не занимали никого. Единственное сочувствие ко мне проявлял В.И. Метлов, мой научный руководитель, и тот клонил меня в ненавистный мне историзм и поближе к Канту, не к Гегелю. В ФК я увидел людей, занимавшихся чем-то, что в большей степени напоминало мне философию. Знакомство с ними (в первую очередь – с Евгением Логиновым, а в дальнейшем – с Артемом Юнусовым) дало мне яркий пример того, что собой представляет настоящий молодой философ. Их острый ум, исключительная компетентность, безупречная память и просто честное и точное знание того, что утверждал тот или иной мыслитель – в отличие от всяких моих «пониманий» и «трактовок», – не раз давали мне повод расписаться в собственной некомпетентности (кажется, я не выиграл у них ни одного из сотни споров, затеянных по этому поводу).

Третий удар на 5-м курсе мне нанесли В.В. Васильев, Д.Б. Волков и А.В. Кузнецов. С последним мы были однокурсниками. Я знал его как человека большого ума, занимавшегося проблемами сознания, но совершенно иной направленности. Однажды, пробегая мимо меня в коридоре, где я объяснял кому-то, что такое сознание, он обронил: «Ты что, полагаешь, что у собаки “темно внутри”?» Такая наивная, как мне показалось, трактовка сознания отнюдь не по Выготскому, а через некий *lumen naturae*, родила во мне усмешку, но одновременно – в силу несомненности в компетентности Антона – и подозрение о том, что, возможно, я упускаю что-то важное. Воспоследовавший спецкурс Васильева и Волкова по проблемам аналитической философии, большая часть которого была посвящена философии сознания, впервые познакомил меня с понятием квалиа и связанным с ним кругом проблем, а также литературой, которая до этого времени почти не попадала в мое поле зрения. Знакомство с этими проблемами и книгами дало мне понять, что кто-то из нас – либо я, либо все эти аналитики – занимается какой-то ерундой или, по крайней мере, очень странными вещами.

Финальный аккорд, давший мне ясное понимание того, кто именно занимался ерундой всё это время, поставила Гренландская конференция по проблемам сознания и свободы воли, организованная Московским центром исследования сознания и лично Дмитрием Волковым,

на которую я попал на 2-м году своей аспирантуры, когда моя диссертация была написана уже на 2/3. Полгода активной подготовки с чтением современных работ по философии сознания, а также последующее личное общение с их авторами – Д. Перебумом, Д. Деннетом, Д. Чалмерсом и четой Чёрчленд – открыли мне современную философию, которая – к моему величайшему изумлению, в отличие от всего, чем занимался я, – предельно «материалистическая», основанная на надежном фундаменте наиболее свежих естественно-научных данных, – была нацелена на установление истины путем аргументативного, последовательного, систематического, максимально ясного рассуждения, превыше всего ставя в нем логику, притом не некую условную, а самый натуральнейший вывод или, в случае крайней нужды, S5. И каким-то совершенно непостижимым для меня образом современным философам удавалось заниматься философией сознания без критики Гегеля, без обращений к классикам советской психологии и без постулирования догматов о качестве как отличии вещи от себя!

Вернувшись в Москву и перечитав то, что у меня было наработано по диссертации, я готов был сжечь ноутбук, всю свою комнату и сам сгореть со стыда. Взглянув в зеркало, я увидел то, чем в прежние годы для меня был Хайдеггер, – нечто совершенно бездарное, пустословное, глупое, напыщенное, исполненное убеждением в собственном глубокомыслии и вызывающее зубовой скрежет у всякого здравомыслящего человека. Я презирал себя и отторгал всё то, в чем находил себя прежнего.

На последнем году аспирантуры я судорожно попытался сменить тему, переработать имевшийся текст, освоить всю аналитическую философию разом, начать всё с чистого листа, но из меня лезли только какие-то штампованные формулировки про эмерджентную эволюцию и через-своё-иное-определенность.

Было бы слишком самонадеянным назвать мое гренландское путешествие пробуждением от догматического сна – я чувствую, что дрема еще не сошла. Спустя 5 лет после того, как я не вышел на защиту, я лишь начинаю чувствовать, что скоро готов буду вновь взяться за перо. Мой путь в философию еще очень далек от завершения, но я надеюсь, что ныне я стою на верном. Я вышел на него не сам – меня, упирающегося, мягкою силою вывели на него мои учителя – преподаватели факультета, коллеги по ФК и МЦИС, близкие друзья. Им я обязан многим, но в особенности тем, что они остановили мое преобразование в очень, очень плохого мыслителя; в ответ я пытаюсь делать всё возможное, чтобы их усилия не прошли даром. Я надеюсь, что мне удастся подключиться к их общему делу, которое называется философией, и по возможности внести в него свой посильный вклад.

Философия не делается в одиночку.

Артём Юнусов

Мой путь в философию в целом пролегал, как видится мне теперь, по ложному следу, но, наверное, в описании того, как по ложному следу можно выйти ко вполне достойным пейзажам, есть свой отдельный интерес – тем более что наблюдения за коллегами вокруг убеждают меня в том, что такое путешествие в наше время скорее правило, чем исключение.

Этот путь можно начать отсчитывать от гимназии № 9 города Екатеринбурга, где мне повезло учиться последние мои четыре школьных года. Там к моему пристрастию к беспорядочному чтению была привита привычка ко внимательному обдумыванию и обсуждению прочитанного; там же мне повезло иметь учителей, которые, помимо всех их прочих бесчисленных заслуг, каким-то образом выцарапали в учебном плане время на один урок истории философии в неделю на протяжении 10-го и 11-го классов – обстоятельство, без которого философия вряд ли попала бы в круг моего внимания так рано, как это случилось. В ретроспективе мне, однако, кажется, что самым важным, что мне дали мои последние школьные

годы, была среда: моими одноклассниками в массе своей оказались потрясающе интересные люди с острым и открытым умом, общение с которыми было моим главным удовольствием моей прединiversитетской жизни. Именно прежде всего в надежде найти столь же интересных собеседников я отправился на философский факультет МГУ; большую роль также сыграло и то, что на философский факультет (правда, поначалу другой) поступал мой лучший друг Саша Саттар.

Все это типичные и объяснимые, но в то же время фундаментально глупые мотивы выбора факультета. Во многом именно их итогом стало то, что, несмотря на свой вполне искренний интерес к философии, я поступил на философский факультет, имея совершенно превратное представление о ней. Почти весь перечисленный нами выше набор заблуждений – это в том числе и мои собственные иллюзии. При этом, к сожалению, куррикулум философского факультета МГУ, по крайней мере в те времена (не знаю, как теперь), не предполагал внятного и доходчивого объяснения существа того дела, которому, предположительно, обучается студент, и, более того, есть ощущение, что высказывание ясной и однозначной позиции о существовании философии перед студенческой аудиторией считалось там делом совершенно неуместным: чем-то между филистерством (какой простецкой наглостью надо обладать, чтобы считать себя в состоянии дать ответ на столь сложный вопрос!) и индоктринацией (стыдно обращать студентов в свою философскую веру!). В результате студент вынужден был расследовать вопрос о том, чем же именно он занимается, почти совершенно самостоятельно.

Не могу сказать, что мое расследование было образцовым. Философия с самого начала моего с ней знакомства казалась мне (и не могу с ходу припомнить никого, кто бы пытался меня в этом разубедить) скорее тем, что мы выше именуем идеографией, т. е. определенным видом творчества; поначалу – весьма интересным, но чем больше я пытался в ней разобраться, тем более у меня создавалось впечатление, что либо от меня ускользает нечто принципиально важное, либо подобное творчество по определению уступает чистой литературе и не заслуживает моего внимания. Как следствие, я постепенно все более разочаровывался в ней и посвящал все больше времени предметам, которые казались мне более ясными и основательными – с одной стороны, собственно литературе (прежде всего – современной русской поэзии; ах, дни, проведенные на старом сайте «Вавилона»); с другой – истории, культурологии и языкам.

Попытка совместить эти два интереса привела меня на кафедру истории и теории мировой культуры, где я, впечатленный работами Аверинцева и Гаспарова, пытался заниматься античной поэзией и ее связью с античной же философией. Будучи принужден учебным планом к написанию квалификационных работ, я в то же время честно пытался в их рамках в том числе практиковать философию, какой мне она в то время виделась. Итогом оказывалась потешная смесь из вполне основательных исторических сюжетов и довольно неуклюжего общего трепана на их счет.

Результаты безнадежного, но в то же время весьма деятельного бардака в моей голове в те времена приходилось терпеть на себе Татьяне Юрьевне Бородай, которая, будучи моим научным руководителем, с самого начала мягко, но вполне последовательно пыталась выбить из меня всю бурлящую во мне дурь, за что я ей премного обязан – не уверен, что я избавился бы от своих иллюзий без ее политики мягкой, но настойчивой силы. Мне также помнится, что важным примером глубокого профессионализма для меня были на 3-м курсе лекции и семинары В.В. Васильева (не менее блестящие в ретроспективе семинарские занятия моего будущего учителя Д.В. Бугая случились со мной на 1-м курсе слишком рано, чтобы достаточно меня поразить). Но в то же время любые примеры и влияния были бы в существенной степени бесполезны, если бы я в итоге не докопался до сердцевины недоразумений

в своих взглядах на философию. Я достаточно ясно помню, что это произошло летом между 3-м и 4-м курсом, когда я, перечитывая бог знает зачем «Слова и вещи» Фуко и будучи, как всегда, одновременно заинтригован и слегка недоволен тем, что я обнаруживаю на листе, где-то на середине книги (сняв сейчас книгу с полки, нахожу отметку карандашом на 164-й странице русского издания), отчетливо задался, казалось бы, очевидным вопросом: почему я, собственно, должен верить чему-либо из сказанного? Меня явно пытаются в чем-то убедить, но к чему именно апеллирует автор? И как мне понять, должен ли я счесть эту апелляцию достаточной?

Из этой дурачки элементарной, но крепко захватившей меня мысли постепенно вырос полноценный теоретический интерес, позволивший мне наконец понять, что именно представляет из себя то дело, которому меня (кажется) учат, и заставивший меня переключиться в своих потешных исследованиях сначала на античную риторику, связь которой, с одной стороны, с философией, а с другой – с проблемой убеждения показалась мне весьма многообещающей, а затем через нее – на «Топику» Аристотеля, где я, вооруженный своей новой оптикой, впервые обнаружил настоящую, а не высосанную курсовой ради исследовательскую проблему (как я то понял по направленному на меня взгляду Т.Ю. Бородай, когда я обратился к ней с этой проблемой: в нем, кажется, впервые сквозило несколько удивленное уважение). От сих пор я начал совершенно иначе не только смотреть на важность самого того дела, которому я учился (вплоть до 4-го курса я был уверен, что ни при каких обстоятельствах не останусь в профессии), но и подходить к организации своей исследовательской и студенческой жизни, все больше манкируя основным и, на мой взгляд, плохо организованным куррикулумом факультета и адресно отыскивая людей, в которых я чувствовал свежее обнаруженное мной понимание философии и у которых я мог надеяться чему-то научиться. Это, вероятно, не могло в конечном счете не свести меня с моими будущими товарищами по ФК, хотя задним умом мне кажется, что это событие произошло существенно позже, чем ему логично было бы случиться, и значительно позже, чем у других членов Кафе – уже только где-то в глубинах моих аспирантских штудий. Дальнейшая интеллектуальная история меня-самого полна дат и событий, но, мне кажется, не стоит как пересказа, так и чьего бы то ни было внимания: самым важным в ней в любом случае было то, что я наконец двинулся вперед с выработанным и все возрастающим чувством направления.

Демин М. 2015. *Профессиональная философия в постсоветской России*. – Доступно: <https://postnauka.ru/video/47551>. – Проверено: 09.05.2024.

Логинов Е.В. 2015. Редакторская. – *Финиковый Компот*. – № 9: Значение. – С. 1–2.

Логинов Е.В., Мерцалов А.В. 2014. Мусор философского дискурса. – *Финиковый Компот*. – № 6: Мусор. – С. 5–8.

Логинов Е.В., Мерцалов А.В. 2016. «Как стать великим философом» с почтальоном Печкиным. – Доступно: <http://datepalmcompote.blogspot.com/2016/03/1.html>. – Проверено: 09.05.2024.

Мерцалов А.В., Логинов Е.В., Ромашова А.А. 2018. «Финиковый Компот»: опыт коллективного философствования. – *Вопросы философии*. – № 4. – С. 216–222.